

проза

СЕРГЕЙ ПЕТРОВ

Петров Сергей Владимирович, 1 апреля 1960 года рождения. По специальности юрист. Литературным творчеством занимается с 2010 года. Имеет публикации в Российских литературных журналах «Юность», «Аврора», «Невский альманах», «Сибирские огни», «День и ночь», «Север», «Огни Кузбасса», «Наша молодежь», «Южная звезда», «Приокские зори», «День литературы», «Сура», «Луч», «Арина», «Траектория творчества», «Рать», «Воин России», «Пограничник» и других. Разошлись рассказы и по страницам зарубежных литературных журналов «Испанский переплет» (Испания), «Новый свет» (Канада), «Чешская звезда» (Чехия), «Русский глобус» (США) и другим. Нашли рассказы своего читателя и в сетевых литературных журналах «День литературы», «Сетевая словесность», «ТОПОС», «Рать», «Кольцо А», «Буква», «Лицей», «Первая роса», «Млечный путь» и другие. Издал исторический- детектив «Все когда-нибудь заканчивается» (ISBN 978-5-458-22975-3 от 2011 г, издательство «Книга по требованию»). Победитель Всероссийского литературного конкурса «Герои Великой победы-2015», учрежденного Министерством культуры России. Лауреат и обладатель приза зрительских симпатий Всероссийского литературного конкурса короткого рассказа "Сестра таланта" в 2016 году. Член Союза писателей России.

ВЕРНОСТЬ

«Увы, отпуск быстро заканчивается, как и всё хорошее», — думал Андрей, стоя на причале. Уезжать из города, где родился и вырос, не хотелось, и настроение было унылое. Тут и друзья, и родня. А в областном центре до сих пор одиноко и холодно.

И словно дразня его, в лучах солнца синела и играла пенистыми барашками волн река. Его дядя как-то рассказывал, что в юности переплывал Волгу, но раньше она узкая была, а сейчас разлилась. Водная синь заполняла перед глазами всё пространство и, подобно летнему небу, уходила вдаль, постепенно сгущаясь, сливалась с узкой полоской зелени другого

берега, превращаясь в бирюзу неба. Ветер гнал волны. Курчавясь и вздымаясь, они докатывались до бетонного причала и, ударяясь о него, на мгновение, словно застывали, а затем, разбиваясь о бетон, уходили веером в глубину, исчезая в её прибрежной темноте. Солнце, зависнув в небе, проникало своими лучами в синеву воды, просвечивая все её пласты, и играло, ослепляя серебристыми бликами. Река дышала влажным ароматом и теплом.

— Не хочется уезжать?

Рядом стоял Иван Иванович, дядя Ваня, бывший боцман.

— Не хочется, — виновато поджал губы Андрей.

Сколько он помнил этот причал, столько же и дядю Ваню. Он швартовщик. Когда причаливают теплоходы, он ловит швартовые тросы и наматывает на кнехты – это две сваренные вместе металлические трубы с чугунным козырьком. Действует бывший боцман не спеша, придавая своему нехитрому делу значимость важного обычая. Любимое его высказывание при этом: «Надёжная швартовка — безопасная посадка пассажиров». На всех судах дядю Ваню знают, постоянно привозят ему гостинцы. В августе везут из Астрахани арбузы. Из Углича - знаменитые сыры. Словом, без подарков он не остаётся. Но и сам отвечает благодарностью. Его брат - пасечник, и мёдом снабжается всё пароходство. Ходит швартовый вперевалку. Кряжистый, с выпуклым лбом, крупными чертами лица и глубокими складками от носа к подбородку. Седые волосы и пронизательные глаза придают его облику спокойствие уверенного в себе человека. Вот и сейчас, склонив голову на бок, он с мягкой пытливостью смотрит на Андрея.

— Да, всё забываю спросить, — прервал затянувшееся молчание Андрей. - Куда делась Альма? Помнишь ее?

Взгляд швартовщика потемнел, но отвечать он не торопился.

— Дядь Вань, тебя Владимир Иванович кличет! — раздался звонкий женский голос из двери кассы.

— Начальство зовёт... — вдруг засуетился дядя Ваня и добавил:— Вернусь, скажу, а ты пока чайку глотни в «Берёзке». До парохода еще уйма времени. Расскажу.

Через пять минут Андрей неторопливо, мелкими глотками пил безвкусный чай в кафе у причала. Годы шли, а в этой забегаловке ничего не менялось. Так же неприглядно. Несколько столов с засаленными липкими клеёнками. Синие стены отливали пестротой, накопившейся за годы, серой пыли. Были в этом

уныние и какая-то безысходность.

Вот в такой же день, несколько лет назад, он пил такой же безвкусный чай в этом же кафе, мысленно прокручивая свой последний разговор с шефом. Главный редактор их газеты Геннадий Иванович был человеком абсолютно непредставительного вида. Маленький, с пухлым лицом и носом картошкой. А лысина довершала не номенклатурный - по чиновничьим стандартам - вид руководителя. Это он понимал и сам, что заставляло его с ещё большим упорством держаться за своё кресло. Было за что — должность давала ему многое, о чём знали все подчинённые.

Андрей сидел в просторном кабинете, косился на зелёную, раздражающую его своим цветом, настольную лампу на столе, с такой же зелёной обивкой. Затем перевёл взгляд на неработающий телевизор, с экраном, покрытым слоем пыли. На подоконнике выстроились шеренгой кактусы. Шеф любил их выращивать. Иногда подчиненный даже этим пользовался, от разговоров о кактусах начальник заметно добрел, что Андрею и требовалось.

— В Манашах открывается новый телятник. Срочно туда. Нужна заметка, толковая, с огоньком и конкретикой, — наставительно озадачил Геннадий Иванович и постучал карандашом по столу.

Андрей вяло кивнул. Заметка так заметка. Плохо, что посёлок расположен на другом берегу Волги, и придётся полчаса потратить на переправу. Но раз надо, так надо.

Парень уныло смотрел на шефа. Ворот рубашки у того был расстегнут, и обнажал в вырезе ворота дряблую шею.

Главный редактор поймал взгляд подчиненного и насупился.

Андрей поёжился и перевёл взгляд на окна. Занавески на окне шевелились, время от времени, затрепетав, взлетали кверху от дуновения ветра

Нахмутив брови, шеф многозначительно отчеканил: «Приедешь, будет серьёзный разговор. Давно назрел».

Геннадий Иванович, моргая глазами, раздумывал, что ещё сказать, но затем, ничего не придумав, мотнул головой и махнул ладонью, давая понять, что Андрей свободен.

Андрей тоже кивнул и вышел, почти шаркая ногами.

О чём намечается разговор, было понятно. Главный редактор, сначала осторожно, а затем всё резче, сетовал, что заметки у Андрея стали скучными и блеклыми. Он и сам понимал это, но ничего не мог поделать. Да и о чём писать? Как в очередной раз

ПТУшники подрались на дискотеке с местными? Или как у тётки Дуни украли поросёнка, а участковый найти воришек не может и только конфискованный самогон пьёт?

«Хорошо быть вольным писателем, - вздыхал парень.— Пишешь, к чему душа лежит. А при обязаловке строчишь, что требует главный редактор. О каком полёте мысли и подъёме души может идти речь? Творчество сводится к ремеслу, к кропанию текстов из казённых фраз, идущих не от души, а по газетным трафаретам. Начатый роман лежит на прерванной странице. Вот так, в рутине, гибнет во мне писательский талант. Вот работал бы в областной газете, там размах, свобода мысли!»

Перекурив, Андрей пошёл в приёмную.

Вертявенькая, с птичьим лицом, в конопушках, секретарша Люська долго выписывала командировочное удостоверение и пытливо поглядывала на Андрея. Парень давно ей нравился. А в девках она засиделась. Худоват, правда. Но зато правильные черты лица. В сочетании с бледностью и чувственными тонкими губами – вообще аристократ. А густые, зачёсанные набок чёрные волосы и выразительные глаза делали его неотразимым. Но, похоже, корреспондент не хотел её замечать.

В улочке, ведущей к причалу, теснились брошенные дома. Андрей поглядывал на тянущиеся грядкой серые приплюснутые домишки с унылыми тёмными глазницами окон, осевшими крышами и покосившимися серыми заборами, проглядывающими сквозь высокий бурьян, и ему казалось, что безнадежность поглощает его. Сгорбившись, засунув руки в карманы, он почти бегом вышел из города, и вот за поворотом открылась сверкающая в лучах солнца синь Волги. Стало повеселее. Поглядывая на реку, он размышлял.

Конечно, работа в редакции имела свои преимущества. Кроме гонораров за статьи, перепадали и дары от благодарных руководителей всяческих контор и организаций. После репортажей каждый корреспондент что-нибудь приносил. С птицефабрики - яйца, с маслозавода - сыры и масло, с фермы - молоко и сметану... Словом, с пустыми руками из командировок не возвращались. По законам гостеприимства и в знак признательности здесь считалось нормальным одаривать представителей местной прессы плодами своего труда, а корреспонденты и не отказывались. Но на этом все преимущества заканчивались.

Неожиданно на дороге, почти перед ним, неуклюже выбежал ёж, но, заметив человека, фыркнул и свернулся в колючий клубок.

Сразу вспомнился рассказ редакционного водителя, что по дороге в область часто попадаются на пути раздавленные ежи. Они, конечно, видят движущийся на них автомобиль и понимают опасность, но, автоматически, защищаясь, угрожающе сворачиваются в клубок. В лесу это их спасает. Звери, уколовшись, уходят. А вот машина давит. Жаль их, тоже ведь живые.

Вздыхнув, Андрей ускорил шаг.

С утра людей на причале было немного.

— Прессе нижайший поклон, — расплылся в улыбке швартовщик дядя Ваня. — Опять за репортажем?

Андрей кивнул.

Солнце стояло в зените и нещадно палило. Его лучи отражались от водной глади и слепили бликами, а горячий воздух, загустев над землёй, дышал безмолвием.

Рядом появилась овчарка, приземистая, чёрного окраса, крепкого сложения, с подпалинами под ушами и большими умными тёмно-карими глазами.

«Наверное, дядя Ваня завёл, чтобы не скучно было», — подумал Андрей и спросил:

— Твоя?

— Брошенная, — последовал ответ.

Парень приподнял недоуменно брови, зная, что швартовщик не допускал бродячих животных на причале — для порядка и соблюдения санитарии.

— Как так? — удивлённо спросил Андрей.

— Она уже, почитай, тут полгода, — не спеша вымолвил бывший боцман, закуривая папиросу. — Была посадка на пароход в сторону Астрахани, как всегда, толкотня, шум-гам, будто их не подождут, чай, не на пять минут пристаёт. А один пассажир не торопился. Молодой, интеллигентный такой, в очках. Пропускал всех, потому что был с собакой. Увы, на неё не оказалось какого-то документа, справки, что ли, от ветеринара? Парень объяснял, уговаривал. Бесполезно. Тогда он обнял пса, снял ошейник, выпустил на волю, а сам поднялся по трапу. Собака, решив, что её выпустили погулять, стала довольная носиться по причалу, а вернувшись на место, застыла: трап уже убрали. Не понимая, стала крутиться, лаять, мол, куда ты без меня. А с парохода

хозяин кричит: «Я вернусь!» Псина ещё больше заметалась, и вдруг возьми и перепрыгни через ограждения в воду! Я обомлел. На теплоходе тоже раздались испуганные крики. Но собака упорно поплыла за судном. Однако того не понимала, что куда ей угнаться! Я сначала растерялся. Но затем кликнул рыбаков. Петька — он молодец, быстро прыг в лодку, завёл мотор и настиг пса. А то бы псина устала и утопла. Собака дрожала, словно в истерике. И грустно так смотрела. О чём она думала тогда, кто знает? Может быть, опасалась за хозяина: как он там без неё, один?

Дядя Ваня, побряхтев, достал вторую папиросу, помял пальцами и, закурив, продолжил:

— Думаю, куда же её деть? Хозяин возвратится, небось, со дня на день. Обещал ведь. Все слышали. Решил, хотя не в моих правилах, пусть в порядке исключения поживёт тут. Вызвал ветеринаров. Осмотрели. Вроде всё нормально. Соорудил лежачок. Но не только я стал ждать хозяина, и она. Ежедневно - и в снег, и в дождь - выходила каждый теплоход встречать. Подойдёт к трапу и смотрит. Так уже полгода.

Андрей взглянул пристальней на собаку.

— Как её зовут?

— Настоящее имя ведомо только хозяину. Я прозвал Альмой.

— А на людей не скалится?

— Нет, она добрая, и поразительно любит детей. Раз даже залаяла на одну бабу. Та шлёпнула сынишку по попе. Баба сначала перепугалась, а поняв, конфетой псине расщедрилась.

Помолчали.

— Все бы ничего, но по ночам часто воет.

— Почему?

Швартовщик посмотрел отрешённо.

— Собаки с горя не плачут, они воют, — глухо ответил бывший боцман и закончил: — К счастью, они не умеют разговаривать. Пожалуй, это главная причина, по которой люди считают их настоящими друзьями.

Уже причаливал теплоход. Люди раньше времени сгрудились на палубе, готовясь к высадке. Началась толкотня и перебранка. Андрей хмыкнул: порой впереди стоящий человек — помеха тебе, и поэтому становится хуже врага.

Едва подали трап, собака действительно приблизилась и, остановившись на безопасном от людей расстоянии, села, глядя

с тоскливым ожиданием. Когда сошёл последний пассажир, отошла в сторону, легла, растянувшись во весь свой рост и откинув хвост. Затем положила морду на лапы и замерла.

Спустя минуту Андрей стоял на палубе теплохода. Перегнувшись через перила, ковырял спичкой в зубах. По небу уже шли облака, и солнце в их просветах озаряло лучами водные просторы. Река покрылась рябью. Мимо плавно тянулся берег, то утопающий в нескончаемой зелени лесных массивов, то сменяющийся полосами обрывистого берега, с пластами красно—коричневой глины. А по воде на линии тени от теплохода выступал силуэт Андрея. Мысли текли медленно. История об Альме не давала покоя.

В детстве у Андрея была собака, маленький щенок, чёрненький, а на лбу два белых пятнышка. Дядя принёс. Мать сразу запричитала, что за ним нужен уход. Но это маленькое существо так Андрею понравилось, что он заявил: возьмет заботы и хлопоты на себя. Видимо, глазёнки сына так умоляюще смотрели, что мать согласилась. Он смастерил лежанку и регулярно кормил щенка. Щенок был потешный. Спал, чмокая во сне, и подёргивал лапками. Просыпаясь, любил с наслаждением потянуться и широко зевнуть. Прозвали его Шариком. Утром щенок будил Андрея — подойдя к кровати, начинал лизать ему нос, мол, я встал и тебе пора. Щенок любил играть с мячиком, а домашние тапочки все изгрыз. Ел он тоже интересно: кашу проглатывал разом, после чего старательно вылизывал всю миску. А затем, зевая, падал на пол пузиком кверху, беззаботно развалив лапки.

Беда пришла неожиданно. В один день Шарик стал жалобно скулить и закатывать глаза. Понесли его с матерью к ветеринару, но не успели — по дороге щенок помер. Похоже, не доглядели, и он мышинного мору поел. Горю Андрея не было предела. Так он не плакал, даже когда велосипед украли. Похоронили Шарика в могилке в лесу. С тех пор Андрей собак не заводил: не хотел больше утрат. Кто терял, тот знает, что это такое.

На палубе ветер продувал насквозь, пошла дрожь и тело покрылось пупырышками.

«Надо зайти внутрь», - решил он.

Домой Андрей вернулся ночью. Мать уже спала. Прошуршал

в темноте по стене, нащупав выключатель, зажёл свет на кухне. Перекусил и, устроившись у письменного стола, сначала писал от руки, а затем достал старую пишущую машинку. Вдохновение захватило, мысли теснились. Сквозь стрекотание клавиш слышалось тиканье часов. Примостившаяся на стуле кошка изредка приоткрывала глаза, но, вопреки своей привычке, на колени хозяину, чтобы погладили, не просилась, будто понимала: отвлекать его сейчас не стоит.

Статью Андрей закончил в пять утра.

«Вот и всё», — подумал он. Из зеркала на него смотрели красные от недосыпа глаза.

Статья завершалась словами: «Эта история не только о верности, но и напоминание хозяину собаки, что его ждут на причале города Тетюши, уже полгода. И по— человечески очень хочется верить, что у истории будет счастливый конец!»

— Вот, два материала, — протянул утром шефу Андрей заметку о телятнике и статью об Альме.

— Что-то глаза у тебя красные, — подозрительно бросил главный редактор.

— Всю ночь писал, — последовал ответ.

— Ладно, иди, посмотрю, — поморщился Геннадий Иванович.

Рабочие будни завертелись в своём ритме. Звонки, согласование текста с корректором. Затем, без особого рвения и желания, Андрей дописывал дежурные информашки.

— Тебя шеф кличет,— около его стола уже строила глазки Люська.

Геннадий Иванович сиял, как начищенный таз, и довольным голосом произнёс: «Давно ты так не писал! Узнаю твоё перо семилетней давности! Живо, волнительно, в твоём коронном стиле! Запускаю в номер».

Затем продолжил, уже деловито:

— А сейчас всё бросай, есть срочное задание. В райкоме партии нам сделали замечание! — Он поднял вверх палец, его лысина вспотела, а глаза приняли строгое и прискорбное выражение. — Что мы идём не в ногу с директивами партии и правительства, не освещаем движение наставничества! Я узнал, что на мясокомбинате уже есть такой почин. Всё согласовано. Дуй срочно. Что писать знаешь?

Вопрос на мгновение повис в воздухе.

Андрей, не без некоторого ёрничества, произнёс:

— Потапович передовик производства, постоянно повышает производительность труда, регулярно читает газеты, улучшая уровень политической сознательности. Но в соседнем цехе есть несознательный работник, разгильдяй, нарушающий трудовую дисциплину. Это не даёт покоя руководителю мясокомбината и сознательному парторгу. Они решают побеседовать с передовиком производства, чтобы тот взял опеку над раздолбаем. Передовик сначала мнётся, не до конца осознавая значимость поручения, затем нехотя соглашается. Сначала вид разгильдяя его отталкивает. Но потом он разглядывает в шалопае зёрна положительных качеств, зародышей его перевоплощения. Они вместе ходят на лекции, культурно просвещаются и сознательно растут.

Губы главного редактора, растянутые в снисходительной улыбке в начале монолога, постепенно сомкнулись в укоризне и, посуровев, он цыкнул: «Ты мне тут не юродствуй». Затем, покрутив в руке карандаш, добавил озадаченно: «Но в принципе канва у тебя готова. Действуй!»

Полдня Андрей проторчал на комбинате. Ему устроили небольшую экскурсию, затем «притащили» передовика, мужчину лет шестидесяти. Черты лица крупные, голова большая, лоб высокий и широкий, настоящий лоб учёного. В действительности было иначе. Глуповат, говорил бессвязно, картавил, в довершение проглатывал гласные буквы. Кроме того, от него разило махоркой и прелым мясом.

Собственно речь передовика Андрея мало интересовала, в голове текст уже был готов, оставалось в обезличенную форму вставить название организации и фамилии действующих лиц. Словом, как любил говорить шеф, оконкретить канву.

С комбината Андрей уходил, припевая, и нёс тяжёлый пакет со свежим мясом.

Вернулся домой поздно вечером. Поинтересовался у матери, принесли ли почту. Мать встретила в своём старом заношенном халате; она сначала почему-то испуганно заморгала глазами, а затем тихо ответила: «Нет».

— Опять почтальонша мышей не ловит, — буркнул Андрей.

— Письмо ждётся?

—Газету нашу, «Передовик». Там моя статья.

— Так они у тебя, почитай, в каждом номере.

— Тут особая.

— Давай кушать, худоба ты моя.

За худобу Андрея в школе дразнили задохликом. Чтобы пополнеть, он старался много кушать. Но, как дед говаривал, «не в коня корм». Так и не поправился.

Утром у входа в редакцию стояла пожилая женщина в цветном платке. Её губы робко кривились в улыбке, обнажая пожелтевшие неровные зубы. За руку она осторожно держала девочку в нарядном платьице.

— Вы Тимофеев? - неуверенно спросила женщина.

Андрей растерянно кивнул.

— В газете читали про собаку,— продолжила почему-то девочка, обдав его взглядом своих больших голубых глаз, и кротко улыбнулась. И светилась в этой улыбке такая наивность и незащищенность, что Андрей тоже просиял.

— Может быть, это наша собака, на пристани. Ее Альмой зовут?— пролепетала малышка.

Андрей сначала растерялся, потом понял, что вышла статья, и, улыбнувшись, сказал:

— Её на причале так прозвали.

— Наша рыжая и ухо порвано, - с надеждой в голосе пропела девочка.

— Эта чёрная.

— Жалко,— вздохнула она.

— Всё равно,— пробормотала женщина и протянула пакет.— Мы мослов и обрезков набрали. Недавно корову забили.

«Она ведь на причале», — хотел сказать Андрей, но остановился, поняв, что теперь ему суждено быть связующим звеном с героиней своей статьи.

Не успел он сесть за стол, как раздался телефонный звонок.

— Мы из деревни Мосево. Если собаку бросили, мы готовы её взять.

—Пока ждём. Может, статью прочитает хозяин и заберёт. Но за звонок спасибо.

Однако это было только начало. Звонки стали следовать один за другим; мало того, люди сами приходили в редакцию. Одни расспрашивали, другие сочувствовали животному, третьи готовы были взять к себе, и почти все приносили с собой пищу для собаки.

К вечеру редакция была завалена пакетами, наполнившими помещение кисло-острыми запахами.

— Ну, Тимофеев, — грозно напыжился главный редактор.— Из редакции передовой газеты склад собачий сделал?!

Затем, выдержав театральную паузу, шеф рассмеялся: — Давай, дуй на причал, вези эту снедь. Бери мой уазик.

И тут же, как по команде, раздался звонок с самого причала.

— Наделали вы делов, — сипел начальник причала. — Спрашивают, звонят, работать мешают.

Затем, рассмеявшись, закончил вопросом:

— Хозяин-то не объявился?

— Пока нет. Я к вам сейчас еду. Народ тут собрал пищи для полкана.

— У нас своё кафе есть. Отходов хватает. Ну раз так, везите. Не обижать же людей?

Только Андрей на причале разгрузил машину, как появилась известная всей округе своей сварливостью баба Дуня. Растрёпанные волосы, выпяченные глаза, руки уперлись в бока, толстые губы застыли в напряжении.

— Чего тебе, баб Дунь?— настороженно спросил швартовщик.

— К собачке специально спускалась под гору. Может, к себе возьму,— выдохнула пожилая женщина.

— У неё хозяин есть. А раз в газете пропечатали, так глядишь и возвернётся, — уверенно заявил дядя Ваня.

— На хрен нужен такой хозяин, который бросил её?!— грозно воскликнула баба Дуня, поведя плечом. — Если пойдёт ко мне, то заберу, и всё тут! Правда, не дюже богатая, но проживём, где мне, там и ей еды хватит.

— Собаке всё равно: бедный ты или богатый, образованный или неграмотный. Отдай ей своё сердце, и она ответит тебе тем же. Лишь бы пошла к тебе, — вздохнул стоявший рядом дед Евсей, тоже пришедший на собаку посмотреть.

Альма дремала на подстилке, положив громадную голову на лапы и прикрыв глаза. Затем повернула голову, посмотрела на бабку и не пошла.

— Теперь она выбирает, — усмехнулся швартовщик.

— Вот оно как, — бабка от неожиданности открыла рот, но затем нашлась. — Глаза у собачатины человеческие. И такая в

них боль и тоска, просто жуть! Видать, дюже хозяина ждёт.

Неожиданно баба Дуня подняла голову к небу и погрозила вверх пальцем.

— У! Антихрист! Пса бросил!

Затем развязала узелок, достала несколько картошин и кусочков хлеба и отдала Ивану со словами: «Собачку поддержим. Лишь бы хозяин приехал побыстрее».

Каждый день в редакции раздавились звонки, приходили люди, несли пищу для собаки. Андрей возвращался домой поздно. Теперь, как он говорил, ухмыляясь, у него появилась общественная нагрузка. Каждый вечер после работы он шёл с баулами на причал.

Через неделю главный редактор не выдержал. Полдня ходил озабоченный, словно собираясь с мыслями, а затем заявил:

— Тимофеев, всё вроде понятно, но редакция не собачатник.

В то же время говорил шеф неуверенно. Андрей застыл, ожидая продолжения, а Геннадий Иванович замолк, застыв в нерешительности.

Немую картину разрушил ввалившийся в редакцию пионерский отряд из семи человек.

— Мы представители дружины имени Лёни Голикова. Решили взять шефство над Альмой! — отрапортовал маленький веснушчатый мальчик в коротких штанишках.

— Хорошо, — стараясь не улыбаться, сказал Андрей. — И что я должен сделать?

Ребята опешили и затем один из них, волнуясь, воскликнул:

— Поддержать почин!

Теперь Андрей растерянно заморгал глазами.

Нашёлся главный редактор.

— Вот первое задание: возьмите продукты для собаки и отнесите на причал. Там получите от дяди Вани новые указания.

Пионеры дружно кивнули.

— А в газете пропечатаете? — спросила полненькая девочка, кокетливо теребя пионерский галстук.

Взрослые сконфузились, но им на помощь пришёл веснушчатый мальчик. Он грозно зыкнул и ответил:

— Павленкова, не стыдно? Если ты пришла не по зову сердца, а с выгодой, то марш отсюда!

Девочка ойкнула и, покраснев, запричитала: «Я по зову сердца, честное слово».

Тимуровцы, как их прозвал Андрей, рьяно взялись за дело. Они притащили к редакции ржавую металлическую бочку, куда стали складывать пищу для собаки. У «пункта приёма» всегда стоял караульный. К вечеру на носилках относили бочку на причал. А когда Андрей появился снова на пристани, то увидел будку, сколоченную из досок, старательно выкрашенную и с плакатом, что Альма охраняется пионерской дружиной.

— И мне повеселее стало, — улыбаясь, говорил довольный дядя Ваня.

Через две недели главному редактору позвонили из областной газеты.

— Ну и шороху вы наделали своей статьей. Есть мнение поднять этот вопрос до областного уровня. Ударить, так сказать, по равнодушию и поддержать инициативу масс. Ждите нашего корреспондента.

Визитёр не замедлил приехать. Встречали его всей редакцией.

— Вы Тимофеев? — не спросил, а скомандовал, только-только сойдя на причал, полненький мужчина, с бегающими глазами, в костюме и коричневом галстуке с массивным узлом. — Встаньте рядом с собакой, я вас сфотографирую.

— Зачем? — насупился Андрей.

Шеф цокнул, и пришлось повиноваться.

— Кстати, наш главный велел мне взять несколько статей Тимофеева, — уже деловито говорил корреспондент шефу, оцениваяюще глядя на Андрея. — Посмотрим, как он пишет. Кадры надо двигать, и есть мнение брать из глубинки, со знанием жизни.

Статья в областной газете выскочила через день после отъезда областного визитёра, как из печки пирожок. Текст почти полностью был скопирован со статьи Андрея, лишь прибавился абзац патетики, с возванием к нерадивому хозяину собаки.

Теперь уже стали приходиться письма. Их было много, даже очень много! Они были короткие и длинные, рассудительные и пылкие, грустные и оптимистичные, пафосные и осуждающие. Но ни в одном не оправдывался хозяин собаки. И, как правило, завершались письма двумя вопросами: «Как сейчас чувствует себя Альма?» и «Приехал ли хозяин и забрал ли собаку?»

Но хозяин не приезжал.

Сравнительно скоро, через какой-нибудь месяц Андрея забрали в областную газету. Он быстро включился в работу на новом месте. Его статьи хвалили. Через год он был признан лучшим корреспондентом области.

...Раздался гудок теплохода, и Андрей вздрогнул, вспомнив, что ему уплывать. От толчка шаткий стол качнулся, и чайный пакетик плавно упал на пол. Он, взглянув на грязный пол, поёжился и не стал поднимать. Лишь сплюнул в рядом стоящее ведро с мусором. Не попал. Растерянно бросил взгляд на буфетчицу: та дремала у своего прилавка, по-рыбы открыв рот. Парень стряхнул со стола хлебные крошки и осторожно вышел, чтобы не разбудить девушку. Однако дверь предательски хлопнула за ним.

— Проснулась, — подумал Андрей. — Интересно, что стало с Альмой?

Дядя Ваня уже стоял на причале.

— У истории счастливый конец? — напомнил свой вопрос Андрей.

— Хозяин так и не приехал. И собака ни к кому не шла, многие пытались взять к себе, но бесполезно. Держала всех на расстоянии, мол, не ваша я, и всё тут. А сама и в дождь, и в снег не пропускала ни одного парохода. Всё ждала. А прошёл год, стала так скулить, что в дрожь бросало, а по ночам выла. Бывало, подойду к ней, поглажу, она успокоится и лишь языком руку лижет. Приняла она меня, но показывала, что всё равно я не хозяин. Поскулит и лежит, думает. Всегда можно понять, о чём собака думает. У неё есть четыре настроения: счастливое, грустное, сердитое и сосредоточенное. А в её глазах даже не грусть, а тоска беспросветная была. У собак один недостаток — они не умеют разговаривать. А может, и к счастью. Может, именно поэтому, люди считают их настоящими друзьями. Так вот поскулила она, поскулила и... тихо померла. Я даже почувствовал в тот день, как из неё жизнь уходит.

Глаза у швартовщика стали влажными, и устыдившись он опустил их.

— Вы думаете, собаки не попадают в рай? Уверяю, они будут там раньше любого из нас, — сказал подошедший мужчина в тельняшке. Затем, улыбнувшись, добавил:

— Моя вон детей в песочнице стережёт. Как-то вижу, один

малец выкарабкался и побежал на гусей смотреть. Так мой Шарик догнал, аккуратно взял за капюшон, отнёс обратно и снова лег охранять.

Набежавшие тучи плыли низко над землёй, и раздираемые ветром расплзались на клочки и шествовали хороводом дальше. И волны шли, но уже шеренгами, пенясь и оставляя позади узоры зыби, сверкающие на водном просторе.

В затылке у Андрея заломило. Стало душно, в голове была пустота. Он вытянулся и, покусывая губу, стал рассматривать свои туфли.

«Надо купить новые, эти совсем износились», — пришла попутная мысль.

Вдруг на бетоне появилась точка, затем другая, капля упала на руку.

— Вот и дождь.

Небо стремительно потемнело. Но до начала настоящего ливня все пассажиры успели сесть в теплоход.

Когда теплоход отплыл, мужчина в тельняшке спросил швартовщика:

— Это что за пижон был?

— Андрей, Василия Тимофеева сын. Не прижился он там, в области, по глазам вижу. Собака не может жить без хозяина, а человек без корней. Вот и получается, как собака, так и человек, верностью живут, а без этого душа гибнет. Скоро вернётся, попомни мои слова.

Как выстрелы, раздалась залпы грома, дождь пошёл стеной.

Оба заспешили под навес билетной кассы.

